

Lea Siilin. Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка русского извода в житийной литературе второй половины XVI века (на материале Жития преподобного Александра Свирского). Joensuun yliopisto. Joensuu. 2001. 401 с.

Монография финской исследовательницы Леа Силин обращена к реальности текста важнейшего из традиционных жанров древнерусской книжности и представляет собой тщательный анализ палеографического и графико-орфографического аспекта оригинальной русской агиографии XVI в. накануне кодификации норм русского литературно-письменного языка. Исследование выполнено в историко-функциональном ключе с учетом динамичного взаимодействия всех существенных в истории русской письменности факторов: староцерковнославянской традиции, второго южнославянского влияния, писцовой школы в докодификационный период и территориального варианта звучащей речи — в качестве импульса творческих изменений в графико-орфографической системе жанра.

Внимание исследователей церковнославянского языка традиционно сосредотачивалось более всего на его ранних этапах, в то время

как поздние центробежные процессы, приведшие к смещению центров кодификации церковнославянского языка (Москва, Киев, Вильно), ничуть не менее важны для осмысления истории русской книжности и литературно-письменной традиции. Основательный труд Леа Силин не только закрывает существенные пробелы лингвистического источниковедения, в определенной степени связанные с идеологическими догмами советского периода, но и корректирует явные перекосы историко-лингвистических штудий в сторону гипотетических реконструкций и особенно теоретического парения над фактами взамен сложного, скрупулезного и обстоятельного изучения письменных показаний текстов, единственно только и составляющих историко-языковую реальность.

Научная актуальность разрабатываемой автором темы обусловливается также недооценкой церковнославянского канона в ходе

кодификации литературной нормы русского языка, традиционно заниженной оценкой письменной формы речи, как и недостаточностью фундаментальных лингвистических исследований по агиографическому жанру, обладающему высокими стилистическими качествами и идеологическим "достоинством", определявшим средневековую языковую норму. Нельзя забывать при этом, что все еще не до конца решены и продолжают оставаться спорными именно по причине слабо проанализированной фактологической базы проблемы дефиниции второго южнославянского влияния, его объема и временных границ (см., например, работы Л.П. Жуковской, М.Г. Гальченко, М.В. Ивановой и др.).

Главную источниковедческую базу принятого исследования составляет Житие преподобного Александра Свирского (далее – ЖАС) – оригинальный, очень популярный и практически неизученный памятник русской агиографической литературы XVI века, составленный в Северо-Западной Руси. Он был включен в состав Великих Макарьевских Четых Миней и зафиксирован специалистами в 163 списках XVI–XIX вв.

Непосредственным объектом тщательного текстологического, палеографического и графико-орфографического анализа послужили 20 рукописных списков этого Жития (основной корпус и корпус-А). В качестве сравнительно-сопоставительного фона привлечены и другие церковнославянские тексты (корпус-Б), сам выбор которых, оптимально целесообразный с точки зрения хронологии, жанра, редакции и писцовых школ, как представляется, уже служит показателем высокой степени эрудиции автора: это Успенский сборник XII–XIII вв., Киевская Псалтырь московской школы письма 1397 г., светская Повесть о Куликовской битве киприановской редакции второй половины XVI в., а также первопечатные московские книги: Апостол 1564 г. (русский вариант орфографической системы) и Острожская Библия 1581 г. с ее мощным, впоследствии реализованным потенциалом печатного литургического образца – в общей сложности свыше 3300 рукописных страниц (листов), что само по себе говорит о серьезной и репрезентативной фактологической базе исследования. При этом регулярное привлечение показаний первых церковнославянских грамматик, словарей разного типа, сопоставительный анализ с другими агиографическими источниками, обращение к рукописям южнославянской и византийской языковой традиции свидетельствуют о том, что эта база выходит за пределы заявленной во введении.

Сам автор исследовательскую новизну своего труда усматривает в том, что графико-орфографическая система рукописей, анализируемая на динамическом фоне формальных способов репрезентации звучащей речи на протяжении XI–XVII вв., рассматривается в ней на материале синхронных и максимально идентичных списков и через призму эволюции церковнославянской традиции письма в первую очередь.

Хотя графико-орфографическое изучение и описание средневековых письменных памятников традиционны для русской исторической филологии, тем не менее в силу своей объективной сложности и ориентированности на глубинные закономерности исторического развития, они характеризуются различными подходами в палеославистике (ср., например, дискуссию, начатую В.М. Живовым (1987) по поводу работы венгерского слависта И.Х. Тота (1985), активно продолженную, в частности, В.В. Колесовым (1999), а также разные интерпретации, в том числе и терминологические, Б.А. Успенского, В.М. Живова и других представителей московской школы, В.В. Колесова и петербургской школы, казанской школы (В.М. Маркова), а потому представляют существенную проблему теории языка. В связи с этим рецензируемая монография Леа Силин ценна разработкой собственной теоретической и описательной модели функционирования графико-орфографических средств на уровне текста; исследование направлено не просто на эмпирическую описательность, но и на систематизацию, обобщение, теоретическое и культурно-историческое осмысление отдельных фактов письменной речи.

Высокий уровень представленной работы в большой степени определяется реализованным в ней живым поисковым характером адекватных методов и принципов сравнительно-сопоставительного изучения материала: так, текстологический анализ используется для установления разночтений и выявления хронологии изучаемых списков, типологический анализ – для выяснения структуры текстов и сопоставления их составов; палеографический анализ – для исследования типа письма, количества и характера почерков, уточнения хронологии списков. Особенно следует подчеркнуть творческую модификацию методов дистрибутивного анализа применительно к графике и орфографии источников: этот метод описания аллографов, выделения их дистрибутивных классов и изучения дистрибутивных рядов внутри класса в соотношении с базовыми понятиями системы, нормы, узуса и конкретной реализации вполне право-

мерно стал основополагающим при выполнении центральной исследовательской части монографии. При этом историзм, пронизывающий всю работу, не дал возможности автору ограничиться только синхронным анализом: ретроспективный и перспективный взгляд по каждому из частных вопросов, заложенный уже в оптимально подобранных для диахронических сопоставлений фоновых источниках, привел в действие и приемы сравнительно-исторического исследования, заметно расширив заявленную автором методологическую и методическую базу.

Реферирование палеославистических работ на русском, английском, немецком, финском языках обнаруживает не только широкую эрудицию, уважительное и толерантное отношение к предшествующим изысканиям, но и очерчивает имеющиеся лакуны в сформировавшихся научных представлениях.

Автор монографии совершенно правомерно акцентирует внимание на актуальности проблем орфографии, ее нормализации и унификации в связи с возникновением московского книгопечатания и формулирует главную цель исследования как изучение состояния графико-орфографической системы церковнославянского языка второй половины XVI в.

Вся работа построена как объединение восьми неравных по объему глав. Их параметры, последовательность и структура определены логикой анализа и общим сюжетом исследования. Необходимые и, как правило, относительно краткие историко-лингвистические очерки реферативного характера предваряют основные исследовательские главы, разрабатывающие текстологический, палеографический и графико-орфографический аспекты анализа и завершающиеся итоговой главой о вариантности графико-орфографических норм и кратким заключением. Монография содержит также перечень источников, обширный библиографический список научной литературы на четырех языках, приложение (литературные источники ЖАС, образцы почерков), список условных сокращений и указатель 25-ти таблиц, более всего представляющих наглядные схемы дистрибуции изученных графем и орфограмм.

В первой – "Вводной" – главе (с. 1–19), помимо развернутой аргументации актуальности темы и обоснования научной значимости исследования, формулируются цель и задачи работы, а также дается общая характеристика объекта, предмета изучения, методов и источников.

Вторая глава – "Преподобный Александр Свирский и его житие" (с. 20–34) – имеет историко-текстологический характер. Она систематизирует и обобщает сведения о жизни и деяниях Александра Свирского как одного из основателей Свято-Троицкого монастыря и просветителей Карелии, канонизированного православной церковью в 1547 г. В главе дается общая литературная характеристика Жития, написанного его учеником монахом Иродионом, как самого типичного компилятивного и отражающего официальный вкус эпохи агиографического сочинения писательской школы митрополита Макария. Тщательно собранные по московским, петербургским и нововалаамским архивам сведения об имеющихся списках Жития предваряют авторский текстологический анализ 72 списков ЖАС, в ходе которого изучался состав, характер и порядок следования разрабатываемых мотивов прижизненных и посмертных чудес, и это позволило Л. Силин доказательно судить об относительной и даже абсолютной хронологии этих списков.

В третьей главе – "Язык и культура Московской Руси в XVI в." (с. 35–45) – дается краткий очерк культурно-общественной жизни Московской Руси до начала книгопечатания и в связи с его возникновением, направленным на создание общеязыковых норм для укрепляющегося Московского государства с его официальной идеологией "третьего Рима". Специально рассматривается организующая роль монастырей, и особенно севернорусских, как авторитетных культурных центров, а также реферировается большая и сложная специальная литература по языковой ситуации и оценке лингвистической гетерогенности письменной культуры Руси этого времени. В основу собственных теоретических построений Л. Силин кладет всеми признаваемые, неоспоримые положения о взаимовлиянии уходящей южнославянской и новой московской орфографии, а также о взаимовлиянии рукописных и печатных текстов как магистральных направлений в преобразовании литературного канона XVI в. (с. 44–45).

Объектом историко-реферативного обзора четвертой главы – "Нормирование церковнославянской орфографии" (с. 46–60) – послужили книжные справы XVI в. с их двумя подходами – текстологическим и грамматическим, ярче всего проявившимися в деятельности Константина Костенечского, автора известного орфографического трактата, с одной стороны, и Максима Грека, с именем которого связано начало кодификации норм церковнослав. языка, митрополита Макария и авторов первых грамматик церковнослав. языка – с другой стороны. Кроме того, в главе

обобщаются и систематизируются основные моменты острой дискуссии о времени, причинах и характере II южнославянского влияния, а также весьма существенные для общей концепции работы проблемы принципов церковнославянской орфографии, позволяющие проследить процесс преобразования системы в его динамике. Среди общих тенденций упорядочивания в тексте графико-орфографических единиц письменной речи автор акцентирует существование противоположно направленных тенденций XVI в. – к сознательной архаизации в духе торжественного церемониального стиля "второго монументализма" (Д.С. Лихачев) и ориентации на живой русский язык (с. 59).

Пятая глава – "Палеографическое описание рукописей" (с. 61–107) – дает блестящий образец анализа, систематизации и описания обширного фактологического материала рассмотренных списков, демонстрируя глубокое знание предмета исследователем. В лучших традициях классической исторической филологии автор обстоятельно и до педантизма тщательно описывает состояние и внешний вид рукописей, включая чернила, краски, заглавия и заставки, концовки, инициалы, состав тетрадей, их пагинацию и порядок следования, регистрирует дефекты рукописей (графические ассимиляции, пропуски, повторы, правки), в мельчайших деталях исследует начерки и особенности употребления букв, сокращений, закономерности написания выносных букв и слогов, разного рода лигатур, характерного для времени написания множества надстрочных знаков и, конечно же, главное внимание уделяя установлению индивидуальных почерков, присущей каждому из них графической вариантности букв и слитию каждой отдельной руки не только друг с другом, но и с уже описанными палеографами почерками профессионалов, в том числе валаамского писца Закхейя, болгарского писца Висариона Дебърского и других представителей новгородской, московской, виленской, а также тырновско-ресавской письменных традиций.

В шестой (центральной) главе – "Графико-орфографический анализ" (с. 108–350), – выполненной современными методами изучения орфографических систем на синхронном и диахронном фоне памятников корпуса-Б, описывается функционирование в списках ЖАС графико-орфографических единиц, само-выделение и индексация которых свидетельствует о всестороннем учете всех существенных формальных параметров византийско-славянской книжности средневековья. Тщательнейшим образом Л. Силин исследует позиционное варьирование дублетных глас-

ных и согласных, дистрибуцию всех параллельных южнослав. и восточнославянских рефлексов, а также дистрибуцию написаний, отражающих фонетические изменения исторического периода, в каждом отдельном случае определяя соотношение системы – нормы – узуса – конкретный написания и устанавливая следование определенным традициям или их нарушения.

В седьмой главе – "Вариативность графико-орфографических норм" (с. 351–366) – подводятся итоги изучения графико-орфографического аспекта и тенденций к унификации правописания в истории русского литературного языка донационального периода. В частности, здесь формулируется типология варьирования изученных норм графики и орфографии. Так, наряду с функциональной дублетностью графем, которая является характерной чертой графики XVI в. и, как это убедительно показано автором, регулируется более всего позиционным принципом, существенную роль в правописании списков ЖАС имело практическое варьирование, эстетико-орнаментальное и стилистическое. При этом Л. Силин убедительно аргументирует актуальность южнославянской графико-орфографической традиции для списков ЖАС второй половины XVI в. и заметную степень их ориентации на нормы позднерусской церковнославянской орфографии. В отношении варьирования морфологических орфограмм списки хорошо отражают древнерусскую традицию (например, выбор глагольного *-тъ*) и даже диалектные особенности (унификация падежных флексий по мягкому варианту). В ходе установления уровня развития различных принципов орфографии в исследуемых рукописях (морфологического, этимологического, символического, традиционного, фонетического) автор выделяет морфологический принцип как ведущий и объясняет его соблюдением традиций церковного произношения (вопреки московскому аканью прежде всего).

В Заключении, обозначенном автором как восьмая глава (с. 367–368), подводятся основные итоги разрабатываемой темы и формулируется свое видение новизны исследования.

К сожалению, полученные автором реальные и значимые результаты, не будучи выделенными в конце каждой из глав или в заключении, как бы распылены в тексте монографии, и читателю приходится самому делать обобщения и выводы, преодолевая некоторую эмпиричность изложения.

Из критических замечаний добавим еще одно. Поскольку в целом исследование поражает широтой, богатством и тщательностью историко-лингвистических коммента-

риев фонетического, фонологического, морфологического, лексического характера, отдельные погрешности в выборе термина или неточность комментирования выглядят единичными досадными помарками. См., например, наименование звуковых сочетаний [ot], [ja], [ju], [je] ф о н е м о й (таблицы 4, 5, 7 на с. 142, 157, 166); выделение префикса *въ* в словоформах от бесприставочного глагола *вопити* или же в образованиях с другими приставками (*вънезипиу*, *вопросити*, *востати* – с. 247–248); квалификация имперфектных форм с -ѣа как нестяженных (с. 344); однозначное определение флексии -ы как показателя им. пад. мн. числа в форме *браты* без необходимого исторического комментария (с. 343); определение исконной ф л е к с и и -а краткого действ. прич. наст. вр. муж. рода (с. 350) на месте его видоизмененной бесфлексивной основы и др.

Наиболее существенные результаты и выводы исследования, насыщенного множеством уникальных и интереснейших наблюдений, мне представляются в следующем:

1. Автор предлагает теоретически обоснованные базовые понятия системы – нормы – узуса – реализации системы, которые позволяют формально эксплицировать литературный канон и интерпретировать его как инвариант, обеспечивающий единство и тождество графической и орфографической единицы в синхронии и диахронии. В монографии разработана модель поэтапного и комплексного исследования на текстологическом, палеографическом, графико-орфографическом и частично фонологическом уровнях практически неизученного популярного оригинального памятника Московской Руси XVI в. – важного фрагмента концептуальной картины мира средневекового сознания, отразившего, в связи с ценностной иерархией сакральных представлений, "букву и дух" церковнославянского языка русской редакции накануне кодификации его норм.

2. В результате предпринятого оригинального текстологического анализа основного и сравнительного материала 18-ти списков Жития выделены четыре их структурных типа, которые позволили аргументировать историю создания текста в его рукописном бытовании, убедительно обосновать его новгородское происхождение, уточнить датировки списков и выявить самые ранние, насчитывающие более трех веков списки с пятью рассказами о прижизненных чудесах и одиннадцатью рассказами о посмертных чудесах преп. Александра Свирского. Обнаруженные четыре типа текста отражают последовательные этапы литературной истории исследуемого памятника (с. 27–33).

3. На основе скрупулезного палеографического обследования рукописных списков ЖАС выявлены и определены подтипы московского полуустава XVI в., выработанные на базе старого русского полуустава и южнославянского полуустава XV в. Выявлены рукописи, написанные одним писцом (списки Р-632, П-59) и несколькими (С-997, С-497, С-183, Т-137), установлено количество почерков в каждом списке и графические варианты букв внутри одного почерка, изучены их функции и генетические истоки, по специально разработанной методике обозначена и учтена в таблицах степень употребительности каждой графемы. Функциональная дублетность вариантов правомерно рассмотрена не только как естественное следствие языковой эволюции, составляющее узловую проблему церковнославянской орфографии, но и как этап перестройки графической системы, реализация которой основывалась на индивидуальной графико-орфографической с т р а т е г и и писца, определявшейся степенью его начитанности, приверженности престижной южнославянской моде, а также индивидуальным инвентарем букв и личным эстетическим вкусом (с. 356–357). Доказательно описан высокий уровень профессионального мастерства писцов ЖАС, владевших разными манерами письма, и прежде всего искусством полуустава, с включением элементов вязи (связные написания) и скорописи (хвосты в начертаниях букв). Определен набор уходящих грецизированных буквенных написаний и начертаний, выявлены элементы актуализирующейся декоративной скорописи. В целом ряде случаев автор, выходя за пределы поставленных задач, касается сущностных фонологических проблем устной диалектной речи как субстрата формальных изменений письма. Так, смещение букв *ять* и *и-восьмиричного* на конце слов (список М-1170) правомерно интерпретируется им как отражение фонологического единства соответствующих звуков, отмеченного в говорах Поморской и Олонецкой групп севернорусского наречия, аналогично фонологической причиной объясняется разграничение букв *о* (*онѣ*) и *онѣ* с *каморой* в списке Т-317 (отражение севернорусского разграничения фонем /o/ и /ō/).

4. Ценным вкладом в славянскую палеоорфографию является установление системы орфографических норм в списках агиографического сочинения второй половины XVI века – переходной эпохи для орфографии русской рукописной книжности, когда влияние первопечатных изданий еще не имело широкого распространения. Убедительно аргументировано как наличие в изученных списках

отдельных орфографических приемов, в том числе южнославянизмов и диалектизмов, так и отсутствие представлений об их совокупности и однородности (с. 366). Доказана непоследовательность нормализации языка и правописания, поскольку в образцовых и сакрально значимых текстах – минеях митрополита Макария – наличествуют диалектные особенности. Это позволило сделать вывод об односторонности известного научного положения относительно опоры церковнославянских текстов на собственно орфографическую традицию в отличие от правописания русского, где оно было подвержено влиянию произношения.

5. Особое внимание обращает автор на историко-культурную ситуацию канонизации "новопрославленных святых" и создания сопутствующих служб, акафистов и агиографии на примере сложения текста ЖАС и распространения его списков. Эту ситуацию Л. Силин правомерно оценивает как способствующую тиражированию соответствующих рукописей, а вместе с этим и их унификации в текстологическом и палеографическом отношениях.

В ходе решения центральной проблемы своего исследования – упорядоченности орфографии в списках ЖАС – автор поднимает вопрос о роли типа текста в этом процессе, фактически впервые выдвигая масштабную культурологическую идею о глубокой имплицитной связи в православном сознании формальной стороны агиографического текста с иконописью.

Результаты исследования Л. Силин, без сомнения, послужат прочной опорой для дальнейших изысканий как в области истории церковнославянского и русского литературного языка, палеографии и палеоорфографии, так и в области исторической текстологии и общей теории литературных языков в условиях гомогенного билингвизма.

Особо нельзя не отметить высокую культуру русской литературной речи автора, уровень владения которой составил бы честь носителю русского языка как родного.

Л.В. Савельева